

Майский СБОР 2026: аннотации докладов

Секция 1. О буквальном значении старения, адаптации, телесности

✿ *Васильев П.А. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) Советские мечты о молодости: сталинская наука в поисках чудодейственного лекарства от репродуктивного старения*

Как известно из раннесоветских кейсов, проанализированных Николаем Кременцовым (Krementsov 2014), экспериментальная эндокринология и ее радикальные обещания нашли особенно благодатную почву в революционной России. В 1920 - 1930-е годы советские власти запустили целый ряд амбициозных научных проектов с целью освоения этой новой научной дисциплины и использования гормональных препаратов для того, чтобы сделать человеческий организм более пригодным для построения «социализма в одной стране». В этом контексте особенно популярной темой было омоложение, и многие представители советской политической и культурной элиты поддались искушению обратить вспять процесс старения с помощью тех или иных экспериментальных методов (Найман 2000).

В данной работе я сосредоточусь на риторике омоложения и подходах к лечению в двух раннесоветских медицинских проектах («урографиданотерапии» и «лизатотерапии») и использую ранее неизученные источники из нескольких архивных коллекций в Москве (прежде всего, институциональные фонды двух учреждений в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), а также личный фонд А.А. Замкова в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)). Исследуя медицинские и культурные ценности, лежащие в основе этих двух конкурирующих методов лечения, я предлагаю критический взгляд на развитие советской эндокринологии, появление экспериментальных крупномасштабных медицинских проектов в эпоху высокой модерности и начало современных попыток регулирования полового старения с помощью гормональных препаратов. Отдельное внимание в докладе будет уделено «устареванию» и «жизни после смерти» самих лекарств и тому, что мы можем извлечь из истории медицинских неудач в современном обществе молодости и биохакинга (cf. Nordlund 2011).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01645, <https://rscf.ru/project/25-28-01645>

* Шалыгина Н.В. (ИЭА РАН) Мужские и женские сценарии социального старения в условиях кризисной ситуации

Глобальный геополитический кризис в современном мире способствует обострению множества социокультурных процессов, включая изменение адаптивного ресурса мужчин и женщин. По данным геронтологов, «эпигенетические часы» фиксируют ускоренное старение у мужчин, главной причиной которого принято считать «гиперактивный путь» mTOR, делающего мужчину сильным в молодости, но и гарантирующего ранний износ его организма. Путь mTOR, по сути, является биологическим акселератором, помогающим организму расти и развиваться, но при этом ускоряющим его старение. У мужчин этот путь активнее: больше тестостерона, больше мышечной массы, но и быстрее износ. Научно доказанными являются факты, свидетельствующие о наличии у женщин более сильного иммунитета, значении женских половых гормонов (эстрогенов) как антиоксидантов, менее выраженной, по сравнению с мужчинами, функциональной энтропии мозга после 50 лет и др.

Однако достаточно спорным остается вопрос о роли социальной активности полов, особенно в условиях кризисных ситуаций, требующих повышенной степени мобилизации всех психофизиологических функций организма для преодоления последствий культурного шока. В докладе представлены результаты полевых исследований автора 2000-2015 гг. по изучению форм мужской и женской активности постсоветских иммигрантов в условиях инокультурной среды. Использование междисциплинарных методов исследования в формате «другая оптика» позволило составить панорамную картину таких проявлений социальной активности постсоветских иммигрантов в инокультурной среде, как поиск работы, выбор брачного партнера, участие в создании и деятельности культурных и общественно-политических организаций, адаптация к особенностям американского рынка труда, возможностям профессионального роста, коммуникативным практикам американцев и т.д. Было сделано предположение, что различные проявления мужчинами и женщинами поисковой активности в иммиграции влияют на ресурс их адаптационных возможностей и в конечном счете определяют степень их социального старения в инокультурной среде (гендерный дифференциал социокультурной адаптации). Исследование основано на использовании междисциплинарных методов изучения повседневных практик адаптации мужчин и женщин в США.

- ✿ Юрченко Е.А. (ЕУСПб/ СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) Тело как проект не-устаревания: практики поддержания себя у женщин среднего возраста в условиях ускоренной современности

Тема, которой я занимаюсь с коллегами, поднимает вопрос, каким образом женщины среднего возраста выстраивают свою агентность в связи с разными возрастными нормами и сценариями. В докладе я рассматриваю, как женщины среднего возраста (40–65 лет) в условиях ускоренной современности сопротивляются социальному устареванию тела через практики «ремонта» (БАДы, косметология, спорт), индивидуальную экономику заботы и пересборку возрастных норм. И чем их отношение к старению отличается от поколенческой «игры с устареванием»? Основываясь на материалах нашего этнографического исследования и аналитическую схему САД-ресурсов (Dannefer 2003, 2020), я анализирую практики заботы о себе как технологии сопротивления устареванию. На материале интервью реконструируются два механизма, через которые женщины среднего возраста превращают тело в «проект не-устаревания»: 1) Тело как инфраструктура, требующая реконструкции. Подобно тому, как старые здания подвергаются реновации для сохранения функциональности, тела информанток подвергаются системному «ремонту»; 2) Экономика заботы: самость как сиделка. В контрасте с вопросами конференции об этике домов престарелых и платных сиделок, наши данные показывают сдвиг ответственности на самого субъекта. Женщины среднего возраста выступают одновременно и «объектом заботы», и «платным менеджером» своего здоровья. По итогу можно сделать такие выводы: практики заботы о себе у женщин 40+ – это работа по предотвращению превращения человека в «инфраструктурные руины». Существует разрыв в восприятии старого: для женщин среднего возраста – это риск исключения из экономической и социальной жизни.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-03442, <https://rscf.ru/project/25-28-03442/>

- ✿ Литвинова А.И. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) Старение как проект само(ре)конструкции: телесные практики женщин среднего возраста

В современной культуре старение часто описывается через метафоры утраты: молодости, физической силы, привлекательности. Однако в повседневных биографиях старение переживается не только как постепенное «устаревание» тела, но как момент его переосмысления и реконструкции. В докладе старение

рассматривается как практика само(ре)конструкции, в рамках которой тело становится центральным объектом работы над собой.

Эмпирической основой выступают биографические интервью с представительницами городского образованного среднего класса 40–56 лет (N=32). Анализ показывает, что возраст в нарративах информанток редко определяется календарно. Он начинает осознаваться через конкретные телесные события и изменения: менопаузу, травмы, гормональные нарушения, изменение энергии, веса или памяти. В интервью эти события нередко описываются как поворотный момент, запускающий новые практики заботы о себе: изменение питания, возвращение к физической активности, медицинский контроль здоровья, пересборку режима труда и отдыха.

Доклад показывает, что подобные практики можно рассматривать как форму телесного проекта, в рамках которого женщины стремятся не «сохранить молодость», но переопределить собственную телесность. Старение при этом связано как с физическими изменениями, так и с переоценкой времени, желаний и социальных ожиданий возраста. В этом смысле старение выступает не только как биологический процесс, но и как специфический режим модерности, в котором тело становится объектом рефлексии, управления и реконструкции. Анализ этих практик позволяет по-новому взглянуть на отношения между телом, временем и социальными ожиданиями возраста. Старение предстает не столько линейным процессом утраты, сколько открытым пространством биографической пересборки, в котором телесность становится важным ресурсом субъективной автономии.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-03442, <https://rscf.ru/project/25-28-03442/>

Секция 2. Пространственный и темпоральный аспекты старения вещей

- ✿ *Турторский А.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова). «В избушку боле свезу»: пространственный аспект старения вещей на Русском Севере*

В Севернорусской культуре старое не считается плохим или неправильным. Слово старинный обычно относится к типу вещи, а не к ее фактическому возрасту. Например, возможно такое высказывание: «Всю ночь к празднику шили старинные платья». Таким образом, одежда, шитая по старому крою не считалась «новой», а сразу рассматривалась как старинная. При этом вещи, которые не выполняли свои функции, уничтожались: органика выбрасывалась в компост, дерево – сжигалось, металл, стекло, а со второй половины XX в. и бетонные изделия – как непортящиеся материалы – хранились «до случая». Такие вещи, как полки, старая посуда (алюминиевые ложки, эмалированные кружки), старая мебель (металлические кровати) перевозятся в лесные избушки и используются там.

Таким образом, формируется пространственная схема старения: ближе к дома новое, дальше от дома старое. Эта пространственная схема работает как фрактал: удаленная деревня также рассматривается как место сохранения старинных традиций, старинных блюд, старинных обычаев. Более того, с точки зрения горожан (архангелогородцев) верховья больших рек (Мезени, Пинеги и Онеги) также считаются заповедниками старины.

- ✿ *Бондарева Д.С. (независимая исследовательница) Как молоко перестало быть самим собой: связь прошлого и настоящего в случае бывших совхозных деревень Архангельской области*

В докладе я постараюсь показать, каким образом выстраиваются отношения между настоящим и прошлым в случае труднодоступных деревень Красноборского округа Архангельской области, где раньше действовало два животноводческих совхоза. Для того, чтобы это сделать, я обращаюсь к понятию «режима историчности» Ф. Артога и конкретному материальному объекту и практикам обращения с ним, претерпевшим существенную трансформацию – молоку.

Так, воспоминания о «тогдашнем» молоке разворачиваются в сложную систему отношений, необходимых для его производства. Корова требует ухода, и вместе с коровой в цепочке возникают доярки, зоотехники, ветеринары, а также различные материальные объекты: маслозавод и коровники, сено и трактора. В свою очередь,

«нынешнее» молоко, под которым подразумевается «магазинное» молоко в тетрапаках, изолировано от этой сложной системы взаимодействий. Такое молоко оказывается стерильным не только по своим свойствам, но и по отношению к цепочке взаимодействий, приведшей к его появлению.

Подобная трансформация, как кажется, является одним из событий, маркирующих момент разрыва между настоящим и прошлым. Одновременно с этим, «новое» молоко, оказавшись отделенным от процесса своего производства, не принесло с собой новых систем и возможностей взаимодействия. В этом смысле, мы можем описать нынешнее отношение между настоящим и прошлым как момент пустоты — момент, когда прошлое уже прошло, но настоящее еще не наступило.

Секция 3. Старение как метод исследования

- * *Литвина Н.В. (МГУ им. М.В. Ломоносова) Старение исследователя в многолетнем поле: личный опыт*

Проблемы, предлагаемые к обсуждению, связаны с длинным (более 30 лет) полем, в котором исследователь вырос, выучился, стал привычным, давним знакомым, а затем состарился на глазах у своих героев. В основу доклада будет положен личный опыт, связанный с исследованиями в старообрядческом регионе Верхокамье, где я начала работу в составе экспедиций МГУ еще студенткой в 1994 году. Поиски концептуализации этой темы приводят к спорам о дихотомии между «обычными» и «местными» антропологами, критике «инстайдерской» этнографии (Narayan 1993, Forster 2012, O'Reilly 2013), а также переосмыслению маргинальности (Shokeid 2009).

«Старичками» и «старушками» в Верхокамских старообрядческих общинах традиционно называют не за возраст, а в соответствии со статусом принадлежности к ядру общины – «собору». Соборные или «старики» должны соблюдать ряд запретов, помимо «отмаливания милотины» из наиболее наглядных – разделение с «мирскими» в трапезе или «чашечничество». «Старичком» могут назвать подростка, который ходит на моления и соблюдает «чашку».

Старость верхокамскими староверами понимается как возраст подготовки к достойной смерти, время, когда мирский старообрядец готовится стать соборным. В этом контексте исследователь, бывший студент, которого нужно было накормить, обогреть, который из года в год отнимал время и беседовал на примерно одни и те же темы, теперь с возрастом сам должен своим давним знакомым ответить на вопросы, связанные с верой.

- * *Мокрозуб С.С. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) Поле как тайник: может ли исследователь быть проводником в неизвестное?*

В своем докладе я представляю исследовательскую рефлексию на тему полевой работы. Доклад подготовлен на основе полевых материалов, собранных осенью 2025 года в ходе экспедиции «Путь к путику. Организация пушного промысла на Верхней Лене». Исследовательским полем было небольшое (около 100 жителей) село на Верхней Лене, в Кировском районе Иркутской области. Я рассматриваю взаимодействие исследователя и информанта в контексте памяти, то есть забытого или даже неизвестного старого, в поиске ответа на предложенный организаторами вопрос: «Возможно

ли в устаревании увидеть новое?». Мой полевой опыт из данной экспедиции включает интересный формат *интервью-прогулки* (Рахманова, 2025), где роли проводника и ведомого меняются местами, где исследователь, для которого поле гомогенно — одинаково неизвестно и интересно во всех его частях — открывает местному члену сообщества часть своей же истории, делая старое новым, «вскрывая» капсулы времени. В частности, я буду говорить об экскурсиях по селу, которые нам провели разные информанты-подростки — они создают явный контраст исследовательских ситуаций. В ходе первой прогулки (кейс 1) исследователи были «ведомыми», гостями, а наш информант — проводником и «гейткипером» мест памяти и историй. Во втором случае (кейс 2) роли сменились, мы решили проникнуть в места села (заброшенная почта и пекарня), где наш информант ранее никогда не был, так как думал, что они закрыты и недоступны. Так, полевая работа стала исследованием для всех участвующих. Доклад предлагает обсудить кейсы, акцентируя внимание на этическую сторону кейса 2, ставя вопросы об уместности нарушения границ известного и неизвестного, готовности информанта к тому, чтобы погрузиться в родное «старое», которое внезапно становится новым и требует интерпретации.

✿ *Рахманова Л.Я. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) Слишком стар, чтобы помнить, слишком молод, чтобы застать: как информанты жонглируют понятиями*

Кто из полевых исследователей не являлся информантам в образе наивного студента(ки), кто из нас не «эксплуатировал» положение неопытного новичка, не заставшего «старые времена»? Такой «заход» в поле за десятилетия развития антропологических исследований стал «фишкой», применяемой интуитивно либо «по совету». В отличие от «игры в истинно верующего», представления себя специалистом в какой-то области, попытка омолодить и состарить себя мало осмысляется как проблема. Я предлагаю поразмышлять над тем, является ли «подтасовка» возраста антрополога этической проблемой или методологическим нарушением?

Важно, что на приеме представления себя наивным и молодым, тема игры с возрастом не заканчивается. Не только мы научились жонглировать возрастом (физически и дискурсивно): информанты быстро подхватывают наши тактики и трансформируют понимание возраста: метаморфозы могут свидетельствовать о травматизации, озадаченности; использоваться как аргумент в защиту или провокация.

Феномен возраста я рассматриваю в следующем контексте. Во-первых, полевик в личной жизни и исследованиях оказывается в

возрастном лимбо (из практиканта вырастая в куратора студенческих экспедиций, – полу-преподавателя, полу-студента в глазах информантов). Эта флюидность – источник уязвимости и гибкости одновременно; из себя можно «лепить» что угодно, но и информанты вольны провоцировать и подшучивать, закрываться и помогать. Во-вторых, репертуар тем исследования в социальной антропологии более широк, чем в советской этнографии и фольклористике (и менее исторически обусловлен): это означает, что экспертом уже не всегда является самый старый житель деревни.

Я рассмотрю примеры, показывающие амбивалентность старости и юности с точки зрения информантов. Ни положение (мудрого) старика, ни положение «юнца» не являются идеальными для познания и производства знания. Эти исследовательские провалы, когда образ наивной девочки не срабатывает, оказываются продуктивными с методологической точки зрения, но также многое говорят о трансформации самого поля и сообщества в антропологической науке.

Секция 4. Старое здание: между руиной и наследием

- * Акимочкин Д.С. (НИУ ВШЭ), Вахрушева М.М. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург), Шведова М.Н. (НИУ ВШЭ) «Продадите дом — прокляну»: старый деревенский дом между руинификацией и музеефикацией

Доклад основан на полевых материалах экспедиции «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ в июле–августе 2025 года в село в Вологодской области. Исследуемое село представляет собой куст из 23 деревень, где летом проживает около 300 человек, а зимовать остаётся примерно половина из них. Мы анализируем существование двух режимов заботы о старом деревенском доме и порождаемое ими напряжение в селе, где доля приезжих неуклонно растёт.

Для местных, преимущественно пожилых жителей, дом неотделим от рода и проживаемой в нём биографии. Он стареет вместе с хозяевами, адаптируется под нужды каждой семьи – может быть разобран или перестроен – при сохранении родовой преемственности. Забота здесь означает посильное поддержание жилого пространства.

Для приезжих – реставраторов, ремесленников, дачников – старый деревенский дом ценен именно своей аутентичностью: подлинные материалы и особенности конструкции требуют сохранения, а вещи прежних хозяев превращаются в экспонаты. Реставрация осмысливается как миссия, однако эта забота о доме лишена родовой связи с ним и опирается на экспертное знание о сохранении материального наследия.

Напряжение между двумя позициями проявляется в противоположных оценках одних и тех же действий: то, что для местных является ремонтом, для приезжих – разрушением подлинности. Мы показываем, что за этим стоят разные темпоральные логики: в одном случае, дом является продолжением смертного тела рода, в другом, дом – это фрагмент культурного наследия, требующий сохранения вне темпоральности человеческой жизни.

- * Тимченко Е.В. (ТюмГУ) Загадочная история старого нового корпуса: трансформация проекта главного здания ТюмГУ от индустриального стиля к (псевдо)неоклассике

Доклад опирается на исследование, в фокусе которого находится кейс архитектурного проекта Главного корпуса ТюмГУ, анализ которого позволяет поставить вопросы о том, как «старости», «устаревания» и «старинности» в современной логике разработки

архитектурного проекта. Анализ эволюции архитектурного облика Главного корпуса ТюмГУ (от первых рендеров до финальной реализации) демонстрирует парадоксальную логику: заказчик намеренно «состарил» облик здания, отказавшись от изначальной стилистики краснокирпичного индустриального университета в пользу (псевдо)неоклассики, отсылающей к образу Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Если первоначальный проект отсылал к прагматизму и функциональности, то финальный вариант делает ставку на респектабельность и имперскую устойчивость.

Ситуация обретает дополнительную глубину благодаря пониманию контекста места: новый Главный корпус ТюмГУ был возведен на месте снесенного советского здания, построенного в 1964 года, который изначально проектировался в эстетике сталинского ампира, но было реализовано в упрощенном виде. Получается, что современный проект не просто замещает советский модернизм, но и вступает в диалог с призраком несуществующего прошлого, материализуя ту амбициозность, которая была заложена полвека назад, но не нашла своего воплощения.

Возникает закономерный вопрос: является ли такая неоклассика «пылью» на музейной витрине или работающим символом? Отказ от «краснокирпичного университета» в пользу колонн и портиков демонстрирует, что в иерархиях современной жизни «старинное» занимает более высокую позицию, чем «современное». Такой феномен позволяет утверждать, что это и есть новая модерность, где старость – осознанная выбранная оптика и стратегия легитимизация, где «старинное» становится основой для потенциальной критики и иронии.

✿ *Клещенок А.В. (ТюмГУ) Временной порог наследия: архитектура позднесоветского модернизма в практиках популяризации*

Проблема определения архитектурного наследия выходит далеко за рамки юридических норм: хотя российское законодательство (№ 73-ФЗ) задает формальный временной критерий, сам по себе он не обеспечивает символической легитимации объекта в качестве наследия. Особенно показателен в этом отношении позднесоветский модернизм, занимающий промежуточное положение, он уже не современный, но еще и не «старинный», уже устарел физически, но еще не вызывает того самого чувства дистанции, «благоговения перед стариной». Если авангард и сталинская архитектура встроены в канон значимого прошлого, то позднесоветский модернизм оказывается в состоянии временной и ценностной неопределенности: будучи архитектурой, идеологически отказавшейся от историчности в пользу

современности, сегодня он уже утратил актуальность, но еще не обрел ценность прошлого.

Именно промежуточный статус делает эти здания особенно уязвимыми: выпадая одновременно из режимов актуальности и признанного наследия, они оказываются в зоне общественной невидимости, а потому под угрозой искажения и утраты. Вместе с ними исчезает целый городской слой, сохраняющий материальные следы позднесоветских представлений о будущем, повседневности и общественной жизни. На этом фоне особенно заметен растущий интерес к советскому модернизму среди молодых исследователей, экскурсоводов и активистов. Чем обусловлено это внимание: ностальгией по непрожитому времени, эстетической переоценкой, интересом к позднесоветскому проекту или попыткой заново определить границы наследия?

В докладе предлагается рассмотреть этот вопрос на основе интервью с популяризаторами советского модернизма: как именно они переживают и описывают это время в архитектуре, почему обращаются именно к этим зданиям, что в них оказывается ценным и притягательным, и каким образом в их практиках советский модернизм начинает смещаться из категории устаревшего в категорию значимого прошлого.

Секция 5. Теории и практики ностальгии

- * *Абрамов Р.Н. (НИУ ВШЭ/ ФНИСЦ РАН) Ностальгический технофетишизм и распаковка «капсул времени» аудио-видео и бытовой техники 1970-90-х гг. в заводском «сохране»*

Идет возрождение индустрии производства виниловых пластинок и компактных аудиокассет, интерес к которым проявляют не только люди старших возрастов, для которых пользование ими было частью повседневности, но и молодое поколение, видящее в аудиоретротехнике способ эксклюзивного престижного потребления. Откликаясь на эти тенденции, выросло производство проигрывателей винила и отчасти кассетных магнитофонов, хотя наибольший интерес у ценителей аналогового звука и видео вызывает аутентичная техника 1970-90-х гг., восстановленная или находящаяся в отличном техническом состоянии и полной предпродажной комплектации (упаковка, заводские пломбы и т.д.) – так называемые «капсулы времени».

«Капсулы времени» вызывают интерес коллекционеров ретротехники, а процесс вскрытия заводской упаковки с детальным описанием каждого этапа распаковки и сопутствующих впечатлений (технические характеристики, дизайн, тактильные ощущения, запах) становится отдельным видео-фотошоу в социальных сетях, подобно тому, как «распаковка» новой косметики, аксессуаров, смартфонов премиум-сегмента стала отдельным жанром в социальных сетях.

Демонстрация распаковки «капсул времени» в линейке аудио-видеоаппаратуры вызывает интерес и противоречивые мнения аудитории профильных блогов. Если показывается зарубежная «капсула времени» (чаще всего японская аппаратура 1970-1990-х гг.), то в комментариях она сравнивается с советскими аналогами того периода не пользу последней с точки зрения надежности, дизайна и качества воспроизведения музыки или видео. Возникают вопросы, касающиеся того откуда могут возникнуть «капсулы времени» в виде Hi-end аудиоаппаратуры из далеких 1970-80-х годов, где так долго может лежать упакованная и готовая к продаже техника без существенных повреждений и утрат. Обычно говорится, что такая техника является нераспроданными складскими запасами, много лет пролежавшими без движения.

Особый интерес для исследователя представляют шоу распаковки «капсул времени» бытовой аудиовидеотехники, поскольку они представляют собой одновременной и старое и новое, так как речь идет о технике прошлого, но находящейся в блестящем «сохране», что позволяет ставить вопросы о статусах «новизны» и «старинности» в контексте анализа тематических блогов.

Доклад подготовлен в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

✿ *Виноградова М.А. (НИУ ВШЭ) Ностальгия в жизни сельского дома культуры: от фольклора до дискотек*

Мой доклад посвящён тому, как темы памяти, обращения к прошлому и старения преломляются в практиках досуга в постсоветском доме культуры (ДК) малого села. На первый взгляд, культурная жизнь сельского ДК – поле напряжения между желаниями старших и молодых поколений. В действительности это скорее поле пересечения идей о прошлом. Прошлое выступает точкой отсчёта для всех – и для молодых, и для старых, и эти идеи находятся в живом контакте, который приводит как к интеграции сообщества вокруг памяти, так и к конфликтам о том, как память должна воспроизводиться. Приверженность идеализированному образу «русской деревни», обращение к живым воспоминаниям о советском селе через поэтические вечера и дискотеки в стиле 90-х, низовое «собирачество» памяти о родственниках – эти практики кажутся разнородными, но все они в одинаковой мере конструируют сообщество вокруг попытки осмыслить настоящее и будущее стареющей деревни через представления о её прошлом. Теоретическая рамка моего доклада опирается на концепцию ностальгии Светланы Бойм (Boym 2001). Бойм выделяет реставрационную и рефлексивную ностальгию практически как две оппозиции: одна стремится воссоздать идеализированное утраченное прошлое, другая тоскует по нему именно из-за его невозвратности и даже иронизирует над ним. Первая тотальная, коллективная и идеологизированная, вторая – более комплексная, личная, пронизанная не сводимыми к единому знаменателю нарративами. В докладе я покажу, как на моём этнографическом материале эта оппозиция оборачивается более глубоким взаимодействием в рамках работы памяти внутри сообщества.

✿ *Соколовский С.В. (ИЭА РАН) Хронотопы ностальгии*

Ностальгия обычно понимается как род переживания, объединяющего место и время, а именно – по ощущению навсегда утраченное, ушедшее время и отдалённое, исчезнувшее, или радикально изменившееся место, которому не суждено быть снова увиденным прежним. Это изначально считавшееся смертельной болезнью переживание присуще не только людям пожилым, но человеку практически любого возраста за рамками, разве что, дошкольного, да и того – с оговорками. Утрата, исчезновение,

недостижимость придает такому прошлому-в-настоящем аффективную окраску столь высокой степени интенсивности, что заставляет думать о самом этом аффекте как порождающем и являющимся в силу этого ответственным за само проникновение и присутствие прошлого в наше/м настоящее/м. На имеющихся в распоряжении автора материалах (антропологических, литературных, автобиографических) будут рассмотрены хромотопы ностальгии и модусы ее вторжения в обыденное настоящее.

Специальный кинопоказ в рамках конференции «Майский СБОР 2026»

✿ *Введение к кинопросмотру. Данилко Е.С. (ИЭА РАН). Старость в антропологическом кино. Один фильм из архива фестиваля «Камера-посредник»*

Для дискуссии будет представлен дебютный фильм Романа Штокера «Нани» (Швейцария, 2017, 30 мин.) из архива Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник». Фильм являлся практической частью исследования Штокера на бакалавриате Института социальной антропологии Бернского университета. Исследование было посвящено феномену старения и отношению к смерти в современном обществе. Этот академический бэкграунд определяет стилистику ленты: пристальное, но этичное наблюдение, стремление не оценивать, а фиксировать и осмысливать реальность.

На примере фильма поговорим о том, как экран может говорить о телесности, немощи и достоинстве человека в преклонном возрасте, избегая клише и эйджизма. Где проходит грань между семейным видео и антропологическим исследованием? Как строится доверие между режиссером и героем, когда герой – твой близкий родственник? А еще о том, как снять свой первый фильм и представить его на фестивале антропологического кино.

Секция 6. Старое в контексте социальной жизни села

- * Захарова А.Л. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН)/ ЕУСПб) *Разговоры о старости в контексте сельского управления и муниципальной реформы 2020-х гг.*

Исследуя сельское управление (2021–наст. вр.), как само собой разумеющееся я воспринимала то, что мои собеседники по ту сторону здания сельсовета — это, в условиях урбанизации и общего тупа «вымирания» сёл, в основном люди пенсионного возраста. Однако действительно ли сельское управление — это в первую очередь управление старостью и для старых? И почему это может быть так, ведь местные администрации занимаются повседневным управлением и так или иначе следят за порядком общей для всех инфраструктуры?

В ходе работы на северо-западе России (февраль 2026) мы сделали вывод, что «старое» население действительно является главным объектом сельского управления, поскольку молодые жители: а) зачастую не связывают свое будущее с селом; б) более мобильны и приспособлены к использованию цифровых сервисов; в) не испытывают дефицита общения. С другой стороны, именно «старики» являются и главным субъектом сельского управления, поскольку они формируют реальный круг обязанностей чиновников, посещают публичные мероприятия и вовлекаются в общественную деятельность.

Однако не менее значимую роль в сельском управлении играет возраст самих сельских служащих. Как правило, одним из главных факторов, удерживающих чиновников на их должности, до недавнего времени было желание «доработать до пенсии», не только потому что работа в сельской администрации — одно из немногих рабочих мест, но и потому, что муниципальный стаж и выход с должности на пенсию обеспечивает повышенные выплаты. «Пенсия» в разговорах между собой и в интервью была ориентиром и поводом мириться с тяготами службы. Между тем в ходе работы в одном сибирском поселении в августе–сентябре 2025 г. я наблюдала, как разговоры о возрасте сельских чиновников актуализируются в момент институциональных трансформаций (перехода от двухуровневой к одноуровневой системе и переформатированию сельских администраций в отделы окружных). Те служащие сельских администраций, которые уже достигли пенсионного возраста, восприняли реформу как повод покинуть должность. Однако служащие предпенсионного возраста восприняли институциональные изменения как покусение на их старость и муниципальную пенсию.

Период неопределенности стал для служащих сельских администраций воплощением покинутости и неуважения к годам, отданным ими своей работе. По стечению обстоятельств именно у «старых» глав возникли проблемы с переводом в новую должность, что не было не подмечено ими. С другой стороны, реформа муниципальной власти была воспринята и как преступление против молодости, т.к. пожилым сельским главам и специалистам в любом случае будет легче продержаться до пенсии, чем молодым, которым «до пенсии далеко» и нужно кормить семьи. Так, сельское управление тесно связано с (пожилым) возрастом и «старостью», а происходящие в России реформенные изменения противоречат сложившейся системе отношений и связанным с возрастом системам обмена.

✿ *Мартюшов Р.А. (ЕУСПб). Неженатые мужчины и взаимопомощь: кризис заботы в деревне?*

В докладе я отсылаю к феномену “кризиса заботы”: ситуацию, когда необходимость в уходе за больными и пожилыми людьми, в силу сворачивания отвечающих за заботу институций, увеличивается, а возможностей и ресурсов эту поддержку оказать, напротив, становится меньше (Fraser 2017). В центре моего рассказа — индигенное сообщество одной удаленной деревни, расположенной в Горной Шории. Пример деревни — это намеренная преувеличенная аналогия для сравнения с “кризисом заботы”. В деревне официальная занятость отсутствует, а домашние бюджеты формируются ежемесячными социальными выплатами, деньгами, получаемыми по результатам природопользовательских практик и средствами, сэкономленными в результате ведения натурального хозяйства. В поселке отсутствуют какие-либо виды связи, а потому люди отрезаны от любой сторонней помощи, в т.ч., медицинской. Стоит упомянуть о таких влияющих на сообщество контекстуальных факторах, как начавшийся в 1990-е гг. отток сельского населения в города; демографический переход, выразившийся в снижении рождаемости у поколения родителей (~55 лет) до одного-трех детей; и гендерный сдвиг, представленный сокращением женского сельского населения (в деревне 1,5 м на 1 ж), вместе с занятием оставшимися женщинами руководящей роли в хозяйствовании.

В докладе мне хотелось бы представить, как разные категории жителей — члены нуклеарных семей и домохозяйства с неженатыми мужчинами — говорят о происходящих изменениях, и к каким формам заботы друг о друге прибегают? В каких случаях одно и то же действие рассматривается разными участниками как “взаимопомощь” или “эксплуатация”. В центре рассказа окажется

наиболее дискриминируемая в сообществе группа - неженатые мужчины.

Исследование проведено в рамках проекта фонда социальных исследований «Хамовники».

✿ *Веселова И.С. (АНО "Тропповский центр") Сезонная миграция внуков в деревню к бабушке: возрастной контракт, экономический ресурс и кросс-поколенческий диалог*

Население севернорусских деревень увеличивается на время летних школьных каникул как минимум вдвое за счет переселения городских внуков к бабушкам и дедушкам.

Феномен совместного проживания младшего и старшего поколений семьи – социальная практика, доступная непосредственному наблюдению. Исторически пенсионеры воспринимались приезжими исследователями как носители знания «о старине» и представители социально уязвимой страты, нуждающиеся в опеке. Однако картина изменилась за последние 30 лет. В советское время бабушка с минимальной колхозной пенсией вынуждена была жить с детьми ради пропитания. Современные «северные» пенсионеры (особенно продолжающие работать в деревне) поддерживают проживающих в городе детей и их родительство. Можно предположить, что социальный институт «бабушек и дедушек» во многом удерживает на плаву и само существование удаленной деревни.

Сезонная миграция внуков в деревню как социальная практика служит драйвером экономики деревни. Мы наблюдаем увеличение объема производства во многих видах промыслов, которые Ю.М. Плюснин называет «неформальными»: рыбалка, охота и сбор дикоросов, огородничество. «Формальная» экономика также ощущает заметную поддержку: развиваются пассажирские перевозки, мероприятия в ДК приносят в бюджет «живые» деньги, автолавки и магазины наращивают обороты.

Модернизация материальной среды и хозяйственных практик деревни происходит за счет пенсионеров, которые готовят площадку для исполнения рекреационной и педагогической миссии. С большими хозяйственными проектами помогают дети из города. Мы наблюдаем передачу вернакулярных навыков внукам через совместный труд (походы в лес, работа в огородах, приготовление еды), совместный досуг (пение, рассказывание семейных историй, рукоделие), отдельные, но наблюдаемые детьми, практики и ритуалы (сплетни в магазине, нормы вежливости, посещение кладбищ). Исследование проводилось в нескольких районах Архангельской области, в качестве материала

использованы интервью с бабушками и дедушкам, а также пролаптами, работниками культуры и перевозчиками.

Секция 7. Двусмысленность старения музейных экспонатов

✿ *Левченко А.В. (ИИАЭ ДВО РАН) Старинные, но не устаревшие: ритуальная скульптура народов Приамурья между музеем и живой традицией*

В мире, где новизна и молодость выступают ключевыми культурными ценностями, старые вещи всё чаще оказываются на периферии. Так, например, этнографические предметы в музейных экспозициях воспринимаются как репрезентанты чего-то устаревшего, имеющего лишь историческую ценность. Особого внимания в данном случае заслуживают предметы культа. Они преподносятся в качестве изделий, лишившихся своей сакральной силы ввиду утраченной народом культуры.

Однако, опыт этнографической работы с музейными коллекциями и носителями культур коренных народов Приамурья даёт повод пересмотреть устоявшееся отношение к предметам ритуального значения в музейном пространстве. В частности – к ритуальной скульптуре коренных малочисленных народов Приамурья. По результатам полевых исследований, всё ещё отмечается особое отношение этих народов к сакральной атрибутике, которое стало оказывать влияние и на музейных специалистов. В отличие от бытовых предметов, таких как одежда или орудия труда, перешедших в разряд этнического искусства или проигравших в эффективности, ритуальная скульптура сохраняет свою актуальность во всех аспектах. Она обладает парадоксальной темпоральностью: с одной стороны, иллюстрирует мировоззрение архаического общества охотников-собирателей, с другой – является частью актуальных практик и мировоззренческих установок. Изделия приамурской ритуальной пластики и на сегодняшний день не могут считаться устаревшими, невзирая на свой, порой, вековой возраст.

Цель моего исследования - выявить и проанализировать феномен вневременности ритуальной скульптуры народов Приамурья, представленной в экспозициях музеев Дальнего Востока. Для этого необходимо охарактеризовать ритуальную скульптуру народов Приамурья как элемент традиционной духовной культуры; рассмотреть особенности формирования и представления ритуальной скульптуры в этнографических музейных экспозициях; определить проявления вневременности данных предметов через анализ современной культурной практики

и особенности восприятия экспонатов носителями аборигенных культур.

✿ Андрющенко В.И. (МГУ им. Ломоносова) Социальная жизнь африканского меча: ценность «древности» оружия в современных обществах

В коллекциях российских музеев хранятся экземпляры суданских традиционных мечей типа «каскара», представляющие особый интерес для изучения африканской культуры. Начиная с XVI века по настоящее время, это один из самых распространенных типов холодного оружия Северо-восточной и Центральной Африки, клинки которого до XIX в. изготавливали в основном в кузницах Золингена в Германии. С начала XX в. каскара претерпевает значительные изменения: появляются новые центры производства на рынках крупных городов Судана, меняется как традиция изготовления, так и особенности функционирования мечей в обществе.

В культуре народа беджа, кочевников-скотоводов Нубийской пустыни, меч играет значимую роль. В настоящее время на первое место выходит функция использования оружия во время различных церемоний, в связи чем меняется и само оружие - при чем как его физические характеристики, так и его «значимость» в представлениях различных групп.

В докладе я попытаюсь рассмотреть основные аспекты, связанные в культурно-ценностными установками групп беджийского общества относительно «древности» происхождения меча в качестве его основной ценности. Является ли ценность «старинных» мечей безусловной в среде кочевников? В чем заключаются функциональные различия «старых» и «новых» мечей? Как африканская традиция производства повлияла на значимость оружия в различных группах общества? Как новые центры производства повлияли на представления о «хороших» и «плохих» мечах? Какую роль «древность» клинка играет в обществе кочевников/в торговле на рынке/в музейных коллекциях?

Опираясь на представленные в российских музеях коллекции и полевой опыт среди племен беджа на северо-востоке Судана, я с различных аспектов рассмотрю эволюцию развития меча каскара, различие старинных и современных мечей, представления различных социальных групп о «древности» оружия и изменение ценностных установок относительно «старинных» вещей в современном обществе.

✿ Сем Т.Ю. (РЭМ) Традиции в модерне декоративно-прикладного искусства народов Амура

Современные мастера по декоративно-прикладному искусству КМНС Дальнего Востока используют в своих работах традиционные каноны с нововведениями модерна. Одними из лучших представителей их являются ульчская школа мастеров. Наиболее ярким представителем которых является член Союза Художников РФ Росугбу Иван Павлович. В своих работах из кости, дерева и бересте он использовал образы мифологии и верований не только ульчей, но и других народов Амура – нанайцев, нивхов, орочей, айнов. Он участник многих конкурсов, выставок и фестивалей: Кочевье Севера, Сокровища Севера, Ремесла земли Дерсу, Живая нить времен и др.

Творческая лаборатория мастера раскрывается через традиции в модерне. Особое внимание мастер уделяет изделиям из кости, дерева и бересты. Вершиной костерезного мастерства является триптих дерева жизни разных родов ульчей и нанайцев, сделанные на основе традиционной мифологии. Образ три солнца изображает два дерева и три солнца между ними, навеянный космогоническим мифом о трех солнцах.

К изделиям из дерева относятся многочисленные и разнообразные маски образов личин духов, с наскальных изображений петроглифов Нижнего Амура, шаманских масок и разнообразных шкатулок с мифологическими сюжетами (образы коршуна, тигра или медведя предка, дракона и змея – творцов мира, родовых деревьев разных родов).

Особую категорию изделий мастера составляют картины из бересты с традиционными сюжетами (лодка с рыбаками на реке и мифическая птица грома на небе, нанайский вариант китайского образа Инь/Янь, стрелок в три солнца и его борьба с черным драконом-змеем.

Таким образом, творчество профессионального народного мастера И.П. Росугбу как представителя ульчской школы декоративно-прикладного искусства на Амуре, представляет собой обращение к традициям в стиле модерна.

Секция 8. Развенчание сакральных свойств старого и старинного в религиозном и светском дискурсах

✿ Радченко Д.А. (РАНХиГС) *Хрупкая память: материальность коммеморативных объектов в дискуссиях об их трансформации*

В апреле 2025 года в социальных медиа развернулась ожесточенная дискуссия вокруг трансформации памятника В.И. Ленину в г. Верхняя Пышма, который был при помощи незначительной модификации постамента превращен в скейт-рампу. В основе этого кейса лежит достаточно устойчивый общественный консенсус о том, что памятники в целом не подлежат сносу по двум причинам: во-первых, как сакральные объекты поминовения они должны охраняться (из, как замечают пользователи, «уважения к личности»), а их трансформация является формой десакрализации («кощунства»), и, во-вторых, памятники являются материальным воплощением коллективной идентичности, основанной на истории и памяти. В то же время оказалась распространена и идея, что для выполнения этой роли памятник должен быть отвечающим актуальным запросам («современным») и востребованным группой, которая воплощает собой будущее – то есть молодежь. сторонники этой позиции предполагают, что скейт-рампа, во-первых, связывает памятник с современными практиками, а с другой, выводит его из «слепой зоны»: ставший привычной и практически десемантизированной деталью ландшафта, не связанный с их повседневностью и жизненными задачами, памятник вновь становится видимым и, более того, притягательным для детей и молодежи. Иными словами, в этом аргументе памятник может выполнять свою функцию только при условии трансформации его отношений с другими объектами городской среды.

В докладе на материалах этого и иных схожих кейсов мы обсудим, как в российском массовом дискурсе памяти выстраиваются контroversы вокруг представлений об устаревании памятников не только как коммеморативных, но как материальных объектов, включенных в процессы городского хозяйствования (физическом износе, разрушении, несоответствии актуальным идеологическим и эстетическим предпочтениям горожан) и, соответственно, пределах допустимости их сноса, перемещения, замены на объекты из других материалов, реставрации или, как в верхнепышменском кейсе, приспособлении под другие нужды. Основываясь на анализе текстов пользователей социальных медиа, мы покажем, как пара понятий «устаревание / современность» в

дискуссиях горожан связывается с представлениями о «стабильности / нестабильности» и «устойчивости / хрупкости».

Доклад подготовлен в рамках государственного задания РАНХиГС.

★ Душакова Н.С. (РАНХиГС) Когда «старое» становится «старинным» или «устаревшим»: размышления о предметной памяти среди современных старообрядцев

Нередко в экспедициях к старообрядцам я сталкиваюсь с тем, что мои собеседники демонстрируют предметы старины (домашнюю утварь, одежду, ковры и др.), которые они из поколения в поколение «сохраняют для истории». Их демонстрация – это одновременно рассказ о прошлом и легитимация принадлежности к сообществу. Старообрядцы, в том числе благодаря предметной памяти, поддерживают сложившийся образ хранителей традиций. Варьируются здесь лишь сами материальные объекты, работающие на поддержание этого образа: где-то функцию старинного предмета выполняет самовар, одежда, печь или баня, где-то – «та самая» икона или книга.

Интересно, в какой момент старые вещи становятся «старинными» и обретают дополнительную ценность. Допустим, девушка демонстрирует исследователю-антропологу сохранившуюся в семье традиционную одежду как особую ценность, которую необходимо хранить, при этом она не знает, как ее правильно надеть. Функциональная значимость утрачена, но ценность вещи как для семейной памяти, так и в контексте памяти о старообрядческой традиции остается.

С другой стороны, «старинное» в определенных контекстах перестает быть важным даже для старообрядцев, ориентированных на сохранение своей культуры: это происходит, например, тогда, когда появляется риск внешнего восприятия старообрядцев как «музейной культуры». Так, среди московских старообрядцев распространено мнение, что увлечение исследованиями материальной культуры и фольклора приводит к стереотипному восприятию старообрядцев как людей несовременных, ориентированных на нежизнеспособные устаревшие практики.

Доклад посвящен размышлениям о том, как «старое» продолжает жить в современной старообрядческой культуре, то переходя в категорию «старинного» и ценного, то оказываясь ненужным и мешающим двигаться дальше. В качестве источников привлекаются материалы многолетних наблюдений среди старообрядцев разных согласий и возрастных групп.

✿ *Белянин С.В. (РАНХиГС), Козлова И.В. (РАНХиГС), Левочская Е.Ф. (РГГУ) Новая жизнь старого красного галстука*

Не все жители постсоветского пространства, даже рожденные в СССР, вспомнят, какой праздник отмечается 19 мая. Но в небольшом городе Вологодской области, как мы узнали в экспедиции 2017 года, торжественное и многолюдное мероприятие в честь Дня пионерии проводилось на центральной площади. На сцене инсценировали прием в пионеры. В интервью участники рассказывали нам о впечатлениях и о значимости пионерского галстука и связанных с ним действий в структуре праздника: «так выходишь [на сцену] – галстуки на руке, выходишь речевку эту читаешь – и вот приняли нас 5 человек, нас тоже пятерых принимали вот так, интересно, очень хорошо получилось» (ж., 1968 г.р.). Также мы узнали про «пионерскую ячейку» в близлежащей деревне, где День пионерии празднуют ежегодно – там принимают в пионеры, например, пропустивших праздник в прошлом году: им необходимо снова произносить речь и торжественно повязывать галстук.

Большинство участников праздника в деревне и маленьком городе – пожилые женщины, которые «хотят вернуть себя в Советский Союз» своей молодости. Для такого «путешествия во времени» необходим набор материальных объектов, структурирующих индивидуальный и коллективный социальный опыт. Красные галстуки, горны, барабаны (их материальность и сеть приписываемых значений) выступают «строительными блоками» пионерского праздника. Центральная роль материальных объектов приводит к дискуссиям об их аутентичности. Какой галстук правильный? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к различиям предложенным Вальтером Беньямином (Беньямин В., 2013). Для наших собеседниц из деревни центральную роль играет аура пионерского галстука, то есть не физическое свойство объекта, а комплекс переживаний, возникающих при созерцании неповторимого оригинала. Наши собеседницы гордятся тем, что у них галстуки «самые настоящие» с тех времен, а не какие-то новопкупленные. Галстук выступает для них связующим звеном между советским прошлым и современностью.

В докладе мы расскажем о новой жизни пионерского галстука в 2010-е годы, о том, как в этом предмете и отношении к нему проявлены разные типы ностальгии и работы с опытом.

Секция 9. Старение как двигатель и разрушитель идентичности

✿ *Пантелеева Л.М., Ремизова В.Г. (НИУ ВШЭ — Пермь) Старость как право на голос: автобиографический нарратив ветеранов угольной отрасли*

В фокусе доклада – анализ мемуаров сахалинских шахтеров, изданных их авторами в возрасте 67–74 лет. Эти тексты рассматриваются как акт институционализации личной биографии, совершаемый людьми, чей активный трудовой возраст остался в прошлом. Публикация мемуаров ветеранами угольной отрасли – это попытка занять определенную позицию в коллективной памяти в тот момент, когда и сами носители опыта, и их профессиональная среда (шахты закрываются, отрасль деградирует) попадают в категорию «устаревшего».

Доклад опирается на нарративный анализ трех книг, написанных бывшими руководителями сахалинских шахт – Г.А. Ревнивых, В.И. Белоносковым, В.В. Ломагой. На первом этапе анализируется тематическое разнообразие всех трудовых нарративов. На втором – фокус смещается на структуру автобиографической эпизодической памяти, где единицей анализа выступали нарративы о событиях, непосредственно связанных с автором. Количественный анализ частотности и дисперсии тем позволил выявить индивидуальные и коллективные кластеры памяти.

Анализ тематической структуры мемуаров позволяет сделать два основных вывода в плоскости антропологии труда.

Во-первых, профессиональная идентичность шахтеров в их автобиографической памяти конструируется вокруг социальных отношений. Несмотря на формальную принадлежность горняцкой профессии к сфере «человек–техника», ядро воспоминаний всех трех авторов составляют темы «трудовой коллектив» и «руководство», а не уголь или трудовые операции.

Во-вторых, сам факт создания и издания мемуаров интерпретируется через призму дихотомии Э. Бенвениста между высказываемым и текстом. Авторы создают не просто онтологический нарратив (фиксацию того, «что было»), а публичный текст, направленный вовне. Их цель – не только понять себя, но и легитимизировать свой статус субъектов истории.

Трудовая биография становится ресурсом этой легитимации в ситуации, когда их социальная группа (шахтеры советской эпохи) и ее опыт оказываются «неактуальными» с точки зрения рыночной модерности. Повествования о преодолении трудностей и служении

превращают частную жизнь в назидательный урок для молодого поколения (как в случае с эпитафией «Моему внуку» в одной из книг).

Таким образом, «старый» жанр мемуаров и «стареющие» авторы используют память о труде как инструмент сопротивления собственному устареванию, пытаясь вписать свой опыт в актуальный культурный контекст.

Исследование выполнено в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ.

✿ *Сироткина К.В. (ЕУСПБ) “Хиппи” спустя двадцать лет: как изменились искатели духовности на дольменах Краснодарского края*

Исследователи российских нью-эйдж сообществ часто описывают их как относительно стабильные [Андреева 2014; Тюхтяев 2020; Сенина 2020, Шнирельман 2011]. На примере полевой работы на дольменах Краснодарского края я покажу более динамичный взгляд. В фокусе доклада — сообщество «хиппи», или «маргиналов», «лесных бомжей», вдохновленных идеями американской контркультурной революции и трансвыми фестивалями на Гоа и Бали. Они оказались на дольменах в начале 2000-х, занимались духовными практиками, желая «выйти из системы» — не работать, не жить в городах, не придерживаться неолиберальных стандартов успеха. В туристический сезон хиппи описывали мне свою аутентичность, внесистемность, духовный опыт, свободу как нечто ценное, обращаясь к языку и практикам Карлоса Кастанеды: «стирание личной истории», «осознанные сновидения», «путь воина» и т.д. В несезон я застала стареющих людей, которые сожалели о своем маргинализованном положении и критиковали себя в терминах той «системы», от которой они пытались уйти. Увлечение духовностью теперь было не осознанным выбором, а попыткой справиться с зависимостью, «простая» жизнь с ситуативными заработками стала показателем бедности и неуспешности, «стирание личной истории» породило не свободу, а одиночество. Я интерпретирую эту фрустрацию, обращаясь к формам социализации [Фюрст 2023, D’Andrea 2007; Ratia 2024] и производства мужской харизмы [Thornton 2013], которые оказываются желательными для одних духовных сообществ и неприемлемыми для других.

Проект поддержан фондом социальных исследований «Хамовники» («Сакральное должно быть доступно всем? Паломничество, духовный туризм и духовные предприниматели на “местах силы” постсоветской России»).

- ✿ *Михалишин А.В. (ТюмГУ) "И далекие уже шестидесятые годы стали историей": ретротопия советских депутатов и партийцев между будущим прошлым и прошлым будущего*

Уже более двух десятилетий в рамках историографии посвящённой советской субъективности, остаются проблемные вопросы, касающиеся языка самоописания советских граждан, их самостоятельности в процессе рефлексии и переживания исторических событий, а также оспаривается право считать их субъектами (Бойм, 2003), которые были способны осуществлять действия основываясь на собственной воле. Некоторые исследователи говорят об СССР, как «утопии», идее двигавшей людей на самопожертвование или трудовые подвиги, но «утопия» предполагает собой что-то нереальное, в то время как марксизм подавался с научной точки зрения, и построение социалистического общества оценивалось современниками, как с теоретической, так и с практической стороны (Байрау, 2003). Несмотря на критику советской субъективности, как методологического и теоретического подхода к пониманию сознания советских граждан, корифеи данного направления говорят о том, что человеческое «Я» является конструктом опосредованным социальным и экономическим контекстом в рамках которого, оно формируется. Советская субъективность является устоявшейся формой саморепрезентации основанной на традиции работы над собой, субъектами, повреждёнными авторитетным дискурсом (Хелльбек, 2003).

В контексте позднесоветского периода советская субъективность проявляется в воспоминаниях, посвящённых «длинной» оттепели и застою, что позволяет проанализировать разрешенную/сформированную традицию мемуаров. В фокусе нашего исследования находятся мемуары, воспоминания партийцев и депутатов, которые были причастны к строительству, города нефтяников и газовиков, Сургута. За время своей активной деятельности, они оставили целый пласт материального наследия, в котором уже не нуждались функционеры перестроечной формации и новоприбывшие горожане. Через связку с теорией ретротопии мы анализируем способы сургутских партийцев и депутатов репрезентировать свой опыт управления городским развитием, и вернуть свои имена с периферии потерянного времени.

- ✿ *Ротбергер В.Д. (ТюмГУ) Антропология профессиональных архитектурных практик в девелоперском проектировании: носитель "старых" ценностей проектирования в системе "новой" эффективности*

Ключевой поворот исследовательского кейса заключается в том, что архитектор, который работал крафтовым бюро, переходит на

новое место работы - в проектное бюро, специализирующееся на проектировании для девелоперов/застройщиков. Следует сразу отметить, что данный кейс в повествование носит, отчасти, автобиографический характер. Опираясь на профессиональный опыт и методологию антропологического исследования архитекторов, я намерен приоткрыть «закулисные» механизмы, одной скрытой структуры в архитектурно-строительной индустрии - сферы девелопмента, в данном контексте ориентированной на создание многоквартирных жилых комплексов.

Сама конференция ставит вопрос о мире за пределами ценностей новизны и молодости. В моем кейсе архитектор приходящий в девелоперскую структуру, является носителем именно таких «старых» ценностей (я бы сказал фундаментальных): «любовь к месту», «искренность концепции», «авторство», «глубокий анализ» (аналитика места, памяти, антропология (хоть архитекторы и не всегда понимают, что делают ее)). В то же время, с позиции девелоперской логики, ориентированной на скорость и коммерческий успех, эти категории становятся «неактуальными», «устаревшими», тормозящими процесс, то есть - это «новые» ценности. Из чего случаются моменты дискommunikации с девелопером, а также между самими архитекторами. Сам архитектор переживает состояние «профессиональной подвешенности» - он становится «старым» (в ценностном, а не возрастном смысле) в мире, который требует от него быть сугубо «техническим исполнителем», который подчинён сложившейся системе власти.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00789 "Как создаются городские места: этнография современных проектировочных практик"
<https://rscf.ru/en/project/25-28-00789/>

Секция 10. Этничность и традиционализм

✿ *Верховцев Д.В. (независимый исследователь) Классика или пережиток? Как устаревают антропологические теории*

Метафоры устаревания, похорон и смерти теорий широко распространены. Теория этноса Юлиана Бромлея активно «отпелалась» следующим поколением этнологов, а влиятельная монография с критикой этноса Валерия Тишкова [2003] назвалась «Реквием по этносу». Хотя задача похоронить «этнос» в породившей его дисциплине была признана в целом решённой [Тишков 2016], связанный с этносом дискурс продолжает занимать видное место с русскоязычных научных публикациях. Стабильное количество упоминаний этнос-терминологии позволяет говорить о продолжении «жизни» теории этноса «post-mortem» [Верховцев 2022]. Жизнь ли это анахронизма-пережитка-рудимента, или «живой классики» устоявшей в ходе многолетней критики?

В интранаучной перспективе реквием по теории этноса действительно сыгран, исследователи этничности отказались взять её в современность. Но посмертная жизнь этноса в публикациях говорит о существовании экстерналистских факторов, делающих перспективным обращение к концепции при идеологическом выстраивании границ науки [Gieryn 1983]. Использование этнос-терминологии позволяет избегать дискуссии с исследователями из статусных столичных институтов и включения своей работы в контекст англоязычных публикаций об этничности, создавая более узкого референтного адресата. Причиной может быть растущее неравенство в российском образовании, ограниченный доступ к актуальной иноязычной литературе, и с политической интерпретацией такого доступа. Выбор терминологии и теоретического аппарата зачастую идеологически интерпретируется как борьба с влиянием Запада.

Вопрос о «устаревании» теории этноса получает полярные ответы из разных перспектив: с точки зрения актуальных концепций этничности это «отживший своё» конструкт, а из институциональной, идеологической и идентитарной логики исследователей – «классика», долгой жизнью доказавшая надёжность и свободу от чуждых влияний. Никакая из этих перспектив не может быть признана единственной, а наука не может быть объяснена только из интерналистской, или только из экстерналистской логики.

* Попков Ю.В. (ИФПР СО РАН) Этнокультурный неотрадиционализм как современное традиционное: старые методологии и визуальные эффекты

В условиях кризиса глобализации и этнического ренессанса популярным стал тезис о повороте к новому традиционализму. Реакция на официальную установку на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей является, как правило, поверхностной, не дающей ответа на множество вопросов: что считать традицией и все ли традиции надо сохранять; в аутентичной ли форме они должны присутствовать в настоящее время? Речь должна идти не о новом традиционализме, а о неотрадиционализме, понимаемом как определенное качество, состояние культуры.

Этнокультурный неотрадиционализм – это не интеллектуальный и социальный конструкт, как считают многие исследователи, а имеющая «почвенную» природу реальность, характеризующая современное состояние традиционной этнической культуры в ее сложности, а не только как идентичность. Автор опирается на материалы полевых экспедиций, в частности, исследование современной Монголии, где, например, юрта используется в качестве гостиницы или зала заседаний, а на Ямале на празднике оленевода чум является гостеприимным кафе для многочисленных гостей. С учетом эмпирических данных обосновывается рефлексивно-интеграционная модель этнокультурного неотрадиционализма, используется недооцененный потенциал двух «старых методологий»: разработанной в советский период диалектической системно-деятельностной концепции исторического процесса; социокультурного подхода в двух его современных интерпретациях – валютативной и рефлексивной.

Этнокультурный неотрадиционализм есть духовно-практическое явление, характеризующее современное состояние этнической культуры и связанное с преобразованием аутентичной традиции в ее обновленную и адаптированную к актуальным условиям форму путем рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в системе синхронно-диахронных взаимодействий этносоциальных субъектов. Его основа – в прошлом, а источник обновления – в актуальных взаимодействиях с другими этнокультурами при условии сохранения элементов и логики развития собственной традиционной культуры.

Секция 11. Ресайклинг и сопротивление культу новизны

- * Старовойтенко А.Д., Коломина К.Н. (оба: НИУ ВШЭ/ ИС ФНИСЦ РАН). *Новая жизнь старым домам? Медиатизация социальных практик на рынке исторической недвижимости (на примере сообщества «Дом вдали»)»*

Телеграм-канал «Дом вдали» архитектурного бюро «Даль» публикует объявления о продаже «старых» домов и зданий, которые находятся в отдалении от крупных городов и часто являются объектами культурного наследия. Комьюнити канала функционирует как цифровое «третье место» (Oldenburg, 1999), где старое жилье становится медиатором между людьми и смыслами. Сообщество демонстрирует черты *Gemeinschaft* — общности, основанной на доверии, обмене экспертизой и эмоциональной поддержке, что парадоксально для коммерческого телеграм-канала (Тённис, 2002). Старый дом рассматривается как символический ресурс, через который участники конструируют идентичность, ищут опору в ускользающем настоящем и примеряют альтернативные сценарии жизни «план побега» из города, мечту о «второй жизни» реставратора.

Интерес представляет конфликт между романтизацией и прагматикой восстановления: идеализированный образ дореволюционной усадьбы вступает в противоречие с отсутствием базовой инфраструктуры на полузаброшенных территориях. Это порождает вопрос: что значит сохранить «старое» в условиях усиления тенденции к «одноразовости» (*disposability*) недвижимости, характерной для позднего капитализма?

Исследование опирается на невключенное наблюдение и тематический анализ комментариев к постам сообщества за период ноябрь 2023 — февраль 2024. В работе выделены ролевые модели участников (эксперты-краеведы, очевидцы, потенциальные покупатели, эстеты) и типология практик взаимодействия со старыми домами.

- * Яровая П.Р. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) *Ресайклинг постсоветски: от колхозных руин к восстановленной церкви*

В окружении руин совхозных построек, жители «умирающей» (по их словам) деревни на Русском Севере, начиная с 2016 года, восстанавливают в соседней заброшенной деревне каменную церковь XIX в., некогда служившую хранилищем для совхозных удобрений. Не имея финансовой поддержки со стороны РПЦ и государства, активисты восстановления вынуждены искать другие

источники строительных ресурсов. Зачастую этими ресурсами становятся пиломатериалы с полуразрушенных совхозных амбаров и старые рекламные баннеры с московских шоссе (распространенный дешёвый материал для перекрытия крыши). Перераспределение совхозных ресурсов, начавшееся в 1990-е все ещё продолжается, несмотря на то, что процесс был запущен больше 30 лет назад. Руины и старые совхозные конторы, зияющие в деревенском ландшафте, чаще всего являются собственностью бывших руководителей совхоза, "коммунистов", которые и сейчас, в 2020-е, остаются деревенской элитой. Они же жертвуют с процентов от инвестированных совхозных паев наибольшие суммы на восстановление церкви. Тем не менее, проект восстановления реализует практически в одиночку Юрий, антикоммунист, который противопоставляет свою деятельность неудаче совхозных руководителей в сохранении производства в деревне. Церковная стройка происходит в условиях сложных взаимосвязей между людьми и их собственными ресурсами, которые направляются на то, что считается общим делом -- сохранение церкви, символизирующее для деревенских жителей память о смерти деревень и надежду на их возрождение. На примере распределения и перераспределения ресурсов для восстановления церкви в докладе будет показан социально-экономический ландшафт "умирающей" деревни, где руины совхоза становятся источником жизни более не заброшенной церкви.

✳ *Котельников А.В. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) (Не) устаревание, уникальность и ресайклинг в коммунах Петербурга*

В докладе пойдёт речь о практиках ресайклинга в коммунах Петербурга. Под ресайклингом понимается культурный ресайклинг – то есть, реактуализация иррелевантного в общем и устаревшего в частности (Zenderland 1978; Moser 1998; Vasilyeva 2019).

Ресайклинг, практикуемый в петербургских коммунах можно разделить на ряд групп.

Ресайклинг вещей. Жители коммун «фриганят» – занимаются поиском на свалках и мусорках пригодной к употреблению одежды, пищи, предметов искусства и пр. – перераспределяют среди коммунаров своей коммуны и других коммун вещи, оставшиеся без хозяина, предпочитают покупать одежду в секонд-хендах, формируют «фримаркеты».

Ресайклинг людей. Жители коммун часто покидают «движ» с распадом их коммуны, становясь частью неактуального прошлого, после чего возвращаются в другую коммуны.

Ресайклинг жилищ. Коммунары стремятся к возвращению квартир в пользование коммунарам после распада той или иной

коммуны. Старая квартира теряет актуальность для одной коммуны, после чего другая пытается «спасти помещение».

Археологический ресайклинг. Коммунары практикуют восстановление биографий хозяев и прошлых арендаторов снимаемых ими квартир через оставленные ими вещи. Это касается и биографий самих коммун. Устаревшие оставленные вещи и артефакты актуализируются в реконструкции.

Ресайклинг является не просто практикой сохранения вещей, но характерной для коммунаров формой отношений, позволяющей избежать устаревания или сменить его реактуализацией.

Ресайклинг связан с уникализацией. Секонд-хенды рассматриваются как место для поиска «сокровищ», чего-то нестандартного и потому «живого». Это можно сравнить с уникальностью, присущей нетоваризируемым вещам (Gregory 1982; Kopytoff 1986) – коммунарский ресайклинг также предполагает отказ от товаризации, как в случае с фриганством вместо покупки и фримаркетом вместо продажи.

Устаревание можно противопоставить уникализации – то, что уникально не может устареть, а устаревшее становится неразличимым, это также роднит устаревание с товаризацией.

Секция 12. Устаревшее в контексте хобби и профессионального труда

- ✿ Винокуров Г.Д. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербурге/ ЕУСПБ) *Наследуя железо: труд, материальность и наследство прошлого в солнечных обсерваториях в Бурятии*

Ахил Гюпта писал, что инфраструктуры фиксируют условия пространства и времени, выступая как «технологии будущего» — материальные реализации модерна. Научные инфраструктуры в этой логике оказываются инфраструктурами будущего *par excellence*. Но что, если будущее — не единственная темпоральная ориентация, а новизна — не единственная ценность научной инфраструктуры?

В своем докладе, основываясь на этнографии солнечных обсерваторий, действующих на территории Бурятии, я расскажу историю темпорального умножения и инфраструктурного развития, происходящую в этих местах сегодня. Обсерватории, места производства необходимых для солнечной физики научных данных, сегодня оказываются одновременно устремленными в инфраструктурное будущее, описанное антропологами в разных этнографических контекстах, и содержат в себе следы иных отношений со временем и материальными остатками инфраструктур, ориентированных скорее в прошлое и на отношения с ним. Связывая дискуссии об инфраструктуре, темпоральности и труде в антропологии (Rajković 2018), я задаюсь вопросом каким образом стареет (и одновременно смотрит в будущее) материальность научной инфраструктуры? Если стареть — это неизбежно оставлять что-то после себя, то что остается, когда материальность научного проекта приходит в упадок, который своими повседневными усилиями откладывают в будущее работники обсерваторий, проживающие свои биографии в этих местах? И как эти *остатки* принимаются сегодня в наследство?

В докладе я остановлюсь на нескольких этнографических историях о тех, кто трудится в обсерваториях сегодня, поддерживая материальную оснастку физических наблюдений в этих местах, связав разные этнографические сюжеты через обращение к понятию *фиксированности* (*fixity*), предложенное Сарой Бески, писавшей о материальности и наследовании в плантационном труде в современной Индии (Besky 2017), в попытке сформулировать ответ на вопрос, что значит стареть *вместе* с железом, будучи *фиксированным* среди него?

✿ *Бережок В.И. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) «Спасая то, что не может попросить о помощи»: мотивы и практики производства наследия сообществом петербургских мадларкеров*

Доклад основан на наблюдениях за сообществом волонтеров-мадларкеров в Санкт-Петербурге, реализующих свою деятельность в рамках создания культурно-креативного пространства «Стеклянный городок». В исследовании рассматривается практика собирания осколков и артефактов XIX — начала XX вв. и работы с ними как уникальный способ взаимодействия со «старостью» вещей, производства наследия и ценности прошлого [Hewison 1987]. Отправной точкой исследования является идея о наследии как о дискурсивном пространстве культурных и социальных процессов, включающих в себя акты памяти и создающих способы понимания прошлого и настоящего [Smith 2006]. Для участников исследуемого сообщества осколки стекла и керамики, элементы внешнего декора старых зданий и ретро-предметы, найденные в речных отложениях и земле, прилегающей к территории дореволюционных промышленных объектов, являются не мусором, а особыми артефактами, чья «старость» сама по себе представляет ценность. Так, процессы очистки, каталогизации и попытки реставрации вещей становятся ритуалами, возвращающими объектам утраченную значимость [Thompson 1979].

Доклад сосредоточен на трех ключевых аспектах: техниках «оживления» устаревшего, выступающих как способ противостоять быстротечности современности, где вещи быстро забываются; организации добровольческого сообщества, в котором группа волонтеров-энтузиастов с различным бэкграундом бросает вызов официальным представлениям о наследии и формирует альтернативный, неканонизированный нарратив о прошлом города; этике заботы и темпоральности при работе с наследием, где сохранение и возвращение противостоит молодёжному тренду на самовыражение через «винтаж».

Таким образом, кейс петербургских мадларкеров позволяет увидеть «устаревание» не просто как финальную стадию жизни вещи, а как сложный социальный и культурный процесс, в котором старость становится ресурсом для формирования идентичности, знания и новых форм сообществ.

✿ Колозариди П.В. (ЕУСПб/ ИТМО) Почему ваш веб такой старый? Тезисы об устаревании технологий и культуре

Новизна технологий формулируется на уровне деклараций, когда говорят о технологических революциях или новых эрах. Изучению этих деклараций посвящено немало исследований: от изучения их дискурсивных особенностей до инфраструктурных перемен. Сама итеративность названий вроде Web 2.0 предполагает, что технологии должны меняться и совершенствоваться (ван ден Бумен, 2020).

Однако «новизна» каждый раз возникает презентистски, транслируя идеологию сегодняшнего дня (Hoskins, 2018). Так появляются исследования «современности» (contemporary studies) — изучения городов, гендера, медиа, интернета и так далее. Современность таких исследований, правда, не всегда сочетается с другим пониманием современности, modernity — состоянием наук, в котором сформировались дисциплинарные парадигмы. Возникает противоречие: новизна нарастает, но теряются её координаты: что является новым относительно чего?

Разрешение этой коллизии – сложноразрешимая задача, в частности когда речь идёт о медиа и технологиях. Но и внутри новых медиа есть объекты, которые уже признаны старыми и заслуживающими внимания в качестве культурного наследия, «старый веб». Ориентировочно старость начинается с оттоком пользователей из-за их взросления, появления конкурентов или политических изменений.

Сайт Narod.ru хотя и считается отжившим, но судя по гостевым книгам, до сих пор активен. Мы начали с помощью анализа контента выяснять, как сами пользователи ранжируют этапы своей жизни на сайтах Народа, и какие внутренние описания, подтверждают внешние трактовки о старине веба (а какие, напротив, опровергают).

В рамках предварительных исследований мы выяснили, что значительным этапом был для многих пользователей «переезд» сервиса в 2012 году на платформу Ucoz, но другие элементы внутренней историзации ещё предстоит понять. В рамках своего доклада я планирую показать исследовательскую проблему «новизны» современных технологий более отчётливо и соотнести вопросы и выводы исследователей с тем, как представляют свою историю пользователи «старого веба».

Секция 13. Старинное и древнее в контексте бренда места и духа местности

- ✿ Тюханова А.М. (ИЭА РАН/ ТГПУ им. Л.Н. Толстого). Почему современный человек хочет обратиться к старине: кейс «Щурова городища»

В докладе будут рассмотрены практики «обращения» к древности посетителей музея живой истории «Щурово городище» в г. Суздаль.

Изначально служившее декорациями к фильму Павла Лунгина «Царь», «Щурово городище» стало центром притяжения для горожан и туристов и своеобразной «машиной времени», утратив контекст съемочной площадки. Посетители приходят сюда чтобы самим прикоснуться к образу жизни, хозяйству и быту русского человека XVI – XVII веков познакомиться с ним детей.

В ходе трех полевых выездов, мне удалось провести более 40 опросов и 9 глубинных интервью с гостями туристического пространства, а также с сотрудниками, создающими эту самую старину. Кроме того, цифровой контент социальных сетей и блогов, посвященных «Щуровому городищу» позволили расширить представление о его функциональном назначении и чувственном опыте посетителей.

Проанализировав весь собранный в живом и цифровом поле материал, мне бы хотелось представить несколько предварительных выводов: об использовании декораций фильма в рекреационном пространстве города; о желани людей обратиться к прошлому, стать непосредственным участником исторических действий; о стремлении туристов прикоснуться к прошлому и попробовать себя, например, в роли кузнеца или доярки. Особое внимание будет уделено обращению к материальности, которое музейное пространство предоставляет всем желающим, а также рассмотрению эмоций и впечатлений от встречи со стариной лицом к лицу, переживаниям опыта этой встречи.

- ✿ Федорук К.В. (ТюмГУ) Этнография представлений бренд-дизайнеров о времени и трендах в городском брендинге

Городской брендинг стал популярным инструментом территориального развития: он формирует привлекательный образ, повышает конкурентоспособность, привлекает туристов и жителей. В профессиональной среде устойчиво представление о необходимости периодического обновления бренда. В дискуссиях представителей креативных индустрий фирменный стиль иногда описывается как «устаревший» или «неактуальный», а редизайн

понимается как способ вернуть «современность» и соответствие трендам.

В докладе предлагается рассмотреть эти представления и проанализировать, каким образом специалисты по брендингу мыслят время и новизну в своей профессиональной практике. Исследование основано на полуструктурированных интервью с представителями брендинговых и коммуникационных агентств, работающих с проектами территориального брендинга, а также на анализе профессиональных дискуссий и кейсов редизайна городских брендов.

Фокус исследования направлен на профессиональные категории и объяснительные модели, через которые участники рынка описывают динамику визуальных стилей. Информанты рассуждают о «жизненном цикле» бренда, способности дизайнеров «чувствовать тренды» и предвосхищать изменения визуальной культуры. Подобные высказывания позволяют рассматривать брендинг как особую практику управления временем и актуальностью.

Исследование показывает, что категория «устаревания» в профессиональном дискурсе выполняет важную нормативную функцию: она обосновывает необходимость редизайна, легитимирует обновление визуальной идентичности и формирует представление о городе как о постоянно модернизирующемся объекте. В этом смысле городской брендинг можно интерпретировать как одну из культурных технологий производства «современности», в которой дизайнеры выступают медиаторами между идеями тренда, будущего и визуальной репрезентацией города.

Таким образом, анализ представлений бренд-дизайнеров о времени и трендах позволяет рассмотреть устаревание не только как характеристику визуального стиля, но и как важную категорию профессионального знания, через которую артикулируются более широкие представления о модерности, обновлении и развитии городской среды.

✿ *Ерыкалов С.И., Захарова А.О., Чепурнова А.А. (все – ЕУСПб)
Логика культурного протекционизма в досуговой жизни малого северного города*

В докладе рассматриваются формы культурного производства в малом городе Северо-Западного федерального округа (население до 20 тыс. жителей) с фокусом на том, как локальное сообщество работает с устаревающими культурными формами в условиях постсоветской модерности. Материалом послужили полевые наблюдения за досуговой жизнью,

сосредоточенной вокруг учреждений культуры (Дворца культуры, Дома культуры, библиотеки, школы искусств, музея): концертами, фестивалями, мастер-классами и экскурсиями.

На основе анализа организации мероприятий, а также оценок и мнений местных жителей и работников культуры, мы выделяем объединяющую эти практики логику «культурного протекционизма». Она проявляется в сознательном или неосознанном выстраивании барьеров, отделяющих локальное сообщество от внешнего культурного влияния. Эти барьеры можно интерпретировать как способ управления темпоральными разрывами, оформляющими границы между «своими» и «чужими», «старым» и «новым», «знакомым» и «непривычным».

Прослеживается связь между оттоком молодёжи и креативного класса в 1990-е годы и современной тенденцией воспроизводства досуговых сценариев прошлого, сопровождаемой романтизацией советской сценической культуры. При этом советские формы не маркируются как устаревшие, а приобретают статус нормативного настоящего, выступающего альтернативой требованию постоянного обновления. Выбор в пользу прежних культурных эталонов может рассматриваться как форма сопротивления «актуальному», воспринимаемому как навязанное внешними агентами.

Показательным кейсом становится фестиваль, организованный столичными актёрами в 2024 году, который актуализировал выбор между сохранением культурной автономии и интеграцией в внешние сети. В этой ситуации сталкиваются локальный режим времени, ориентированный на воспроизводство, и глобальный, ориентированный на обновление. Мы показываем, что «устаревание» культурного ландшафта выступает не только следствием дефицита ресурсов, но и результатом протекционистской стратегии, обеспечивающей контроль над социальностью и сохранение локального суверенитета.

Секция 14. Старение и устаревание

- ✿ *Ссорин-Чайков Н.В. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург). Старение и устаревание: этнографическая теория модерности*

Рейнхарт Козеллек пишет о том, что понятие модерности формируется через другое, но близкое понятие “нового времени”, написанного в одно слово (английское *newtime* и немецкое *Neuzeit*). Новизна как молодость радикальных социальных проектов подчеркивалась в таких организациях, как Молодая Италия и Млада Босна, в движениях младотурок и “Молодых американцев за свободу”. Теории модерности фокусировались на новых формах социальных взаимоотношений и культуры от становлений товарного капитализма до постмодерного глобального порядка, жидкой (“ликвидной”) модерности и “постсоциальности”. Доклад рассматривает старость и устаревание как новую форму современности. Мой тезис в том, что если старик и старейшина были ключевыми фигурами в концепциях традиционности, то они становятся не менее (если не более) важными для понимания модерности сегодня. Доклад основан на сравнительном обзоре антропологических исследований. Цель доклада — помыслить грани новой теории модерности, где место здесь не просто старикам, но «устаревшему» выходящему за рамки «старинного». Что может собой представлять этнографическая теория устаревания, «невостребованности» и «неактуальности» за пределами, с одной стороны, антропологии мусора и отходов, а с другой — антропологии наследия и музеев?

- ✿ *Иккерт А.А. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург/ РГО) Прошлое, настоящее и будущее на севере: восприятие инноваций в сельской местности*

Доклад посвящен тому, как в сельской местности на севере России будущее существует в виде полей расхождения между разными социальными группами. На материале экспедиции в село Шелота Верховажского района Вологодской области показано, что ключевая проблема сельской стагнации связана не сколько с демографическим спадом и инфраструктурным износом, столько с несовпадением образов будущего, которое переживается жителями как источник напряжения, усталости и недоверия к инициативам. В качестве аналитической оптики привлекаются представления о нелинейной темпоральности, будущем как культурном факте, локальных режимах экономической и социальной сборки

периферии, а также критика утопического и ностальгического мышления. Эмпирическая часть основана на полевом дневнике экспедиции, глубинных интервью, включённом наблюдении и визуальных впечатлениях, зафиксированных в ходе пребывания в селе Шелота летом 2025 года. Показано, что сельская жизнь удерживается не «традицией» в абстрактном смысле, а множеством практик взаимопомощи, локальной логистики, религиозной и хозяйственной координации, которые плохо видны извне. Вместе с тем именно расхождение между патерналистскими, урбанистически-потребительскими и проектно-экологическими представлениями о будущем мешает превращению этих практик в устойчивые коллективные инициативы.

✿ *Денисенко С.И. (НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург) Старье и старина: что современно?*

Мой доклад основан на материалах социокультурного исследования, проведенного на Карельском перешейке – в Выборгском и Приозерских районах – в рамках программы «Открываем Россию заново». Я изучаю темпоральность в религиозных сообществах, поскольку они формируют разнообразный культурно-исторический ландшафт данного «фронтира» [Тёрнер, 2009]. Так, православные общины Карельского перешейка ощущают «разломанность» не только в социальном-политическом (ввиду своей инаковости), но и во временном смысле. Иными словами, зачастую они чувствуют себя «неактуальными» [Агамбен, 2012], то есть исключенными из глобального «времени», что находит отражение в тоске респондентов по прошлому, отягощенному советским атеистическим опытом.

Следовательно, приверженцы разных конфессий Карельского перешейка, с одной стороны, постоянно ностальгически апеллируют к прошлому (к жизни прихода и персоналиям пасторов), указывая на «естественность» существования того или иного религиозного направления в регионе и правдивость свидетельства об этом, с другой – испытывают боль при обращении к нему ввиду советской истории. Соответственно, общины, исключенные из прошлого и настоящего, чувствуют «разломанность» в темпоральном ключе, выражающуюся не только на социальном, но и на физическом уровне (например, разрушенные заброшенные кирпичи, ставшие «старьем»). Конфессии выработали ряд практик, чтобы, конвертируя «старье» в «старину», стать «современными». Однако, исходя из терминологии Дж. Агамбена, заглавие эссе которого вынесено в название моего доклада, я предполагаю: они стремятся стать не «современными» (поскольку

уже таковыми являются, живя в «разломе»), а «актуальными», преодолевая состояние временного исключения.

Таким образом, цель моей работы – анализ темпоральной «разломанности» у религиозных сообществ, влияющей на формирование их идентичности: описанный выше метод «конвертации старья в старину», паттерны самоощущения и формулирование свидетельств, заполняющих лакуну между прошлым и настоящим.

В оформлении использовано изображение пчелы. Источник: istockphoto

